

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19*

В.Г. Былков

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
15 сентября 2020 г.

Дата принятия к печати
2 марта 2021 г.

Дата онлайн-размещения
31 марта 2021 г.

Ключевые слова

Рынок труда; коронавирус;
стадии социально-
экономического кризиса; спрос
на рабочую силу; занятость;
безработица; движение рабочей
силы

Аннотация

Глобальные процессы распространения COVID-19 затронули и рынок труда. Предпринятые медико-эпидемиологические меры сформировали предпосылки очередного социально-экономического кризиса. Пандемия связана с сохранением человеческого ресурса, поэтому оценка ее последствий является весьма актуальной. Статья посвящена выделению параметров, которые могут охарактеризовать тенденции и тренды в социально-трудовой сфере. Информационную базу исследования составили данные Территориального органа государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстата) за 2018–2019 гг., а также за первое полугодие 2020 г. Выявлено, что региональный рынок труда адекватно отреагировал на кризисные сигналы распространения коронавируса. Динамика показателей, характеризующих региональный рынок труда, имеет отрицательную тенденцию, а их значения отражают усиление социальной напряженности. Исследование продемонстрировало, что увеличивается объем выбытия работников. Так, за шесть месяцев 2020 г. существенно выросло количество граждан, ищущих работу и признанных безработными. Почти вдвое (на 193 %) возросла заявленная численность работников, намеченных к высвобождению. Это означает, что количество сокращенных работников будет неуклонно увеличиваться. В этих условиях необходимо осуществлять ежемесячный мониторинг изменения конъюнктуры регионального рынка труда. Отдельного исследования требует и феномен удаленной работы.

FUNCTIONING OF THE REGIONAL LABOR MARKET IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Vladimir G. Bylkov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
September 15, 2020

Accepted
March 2, 2021

Available online
March 31, 2021

Abstract

The global spread of COVID-19 has also affected the labor market. The government's medical and epidemiological measures created the prerequisites for another socio-economic crisis. Since the pandemic is associated with the preservation of the human resource, therefore, its consequences assessment is relevant. This paper explores the special parameters that can characterize trends in the social and labor sphere. The data from the Territorial Body of State Statistics for

* Материалы обсуждены на Национальной научно-практической конференции с международным участием «Развитие российского общества: вызовы современности», посвященной 90-летию Байкальского государственного университета (г. Иркутск, 15–16 октября 2020 г.).

** The paper was discussed at the National Research and Practical Conference with International Participation «Development of Russian Society: Challenges of Modernity», dedicated to the 90th anniversary of the Baikal State University (Irkutsk, October 15–16, 2020).

Keywords

Labor market; coronavirus; stages of socio-economic crisis; labor demand; employment; unemployment; labor movement

the Irkutsk Region (Irkutskstat) for the years 2018–2019 and for the 1st half of the 2020 year used as the information base of the study. It was revealed that the regional labor markets reacted adequately to the crisis signals of the spread of the coronavirus. The regional labor market indicators have negative trends and reflect the growing social tension. The study results show the increasing volume of retirement. By way of example, the share of people seeking work and recognized as unemployed have significantly increased for first half of 2020. The declared number of workers who are going to be laid off has almost doubled (by 193 %). This means that the number of unemployed will grow steadily. In these conditions, it is necessary to carry out monthly monitoring of changes in the situation in the regional labor market. The phenomenon of using remote work requires a separate study.

Введение

В январе 2020 г., когда в Китае объявили о появлении некоего респираторного вируса SARS-CoV-2, мировое сообщество еще не имело представления о масштабах социально-экономических последствий его распространения. Экономисты и социологи впервые столкнулись с массовым закрытием многих сфер и секторов экономики, падением промышленного производства, массовым сокращением мобильности граждан, самоизоляцией занятого населения, появлением тревоги за жизнь и здоровье близких людей. После событий января — февраля 2020 г. в наш обиход вошли такие понятия, как «карантин», «самоизоляция», «удаленная работа».

Часто при этом стали использовать слово «локдаун» (англ. lock down, lock означает «замок», а частица down имеет значение снижения или уменьшения¹), означающее массовое принудительное закрытие образовательных, государственных и торгово-развлекательных учреждений из-за эпидемии или иного стихийного бедствия.

Уже в середине 2020 г. появились статьи, посвященные изучению влияния распространения коронавируса на экономику России [1]. Их авторами подчеркивается сугубо негативное воздействие эпидемии как кризисообразующего явления. В дальнейшем научному сообществу стали представляться статьи о трансформации различных сфер экономики в условиях пандемии [2, с. 22–24]. Между тем работы, в которых бы оценивалась ситуация на региональном рынке труда в условиях пандемии, практически отсутствуют.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей социально-экономического кризиса, обусловленного пандемией COVID-19, а также тенденций изменения параметров регионального рынка труда в результате ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки и введения локдауна.

Для определения динамики показателей развития регионального рынка труда использовались данные Территориального органа государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстата), а также Министерства труда и занятости Иркутской области за 2020 г.

Особенности современного социально-экономического кризиса

Наблюдаемый в настоящее время кризис не имеет фундаментальных экономических оснований. Он вызван даже не самим по себе вирусом, а реакцией на вирус. Если кризисы 1929, 1973, 1987, 2001 и 2008 гг. были спровоцированы ситуацией, когда экономические агенты либо «не могли купить», либо «не могли продать», то сейчас ничего подобного нет. Компании не производят товары и не оказывают услуги не потому, что не могут, а потому, что нельзя.

В первую очередь необходимо учитывать, что последствия пандемии носят глобальный, всеобъемлющий характер, воздействующий на все без исключения сферы жизнедеятельности человека, и в первую очередь на трудовую.

Часто подчеркивают, что отсутствие необходимых условий для устойчивого функционирования экономики — это сам по себе кризисогенный фактор, по сути, предкризисная ситуация, которая под влиянием каких-либо внешних или внутренних обстоятельств трансформируется в собственно кризис. В этой связи об экономическом кризисе можно говорить лишь тогда, когда экономика есть, но промышленность, ВВП падают в течение двух кварталов со всеми вытекающими отсюда последствиями [3].

В сущности, кризис на рынке труда, вызванный экономическим кризисом, имеет ключевую опцию — не только снижение потребности в рабочей силе, но и ограничение использования рабочей силы вследствие введения локдауна. На начальном этапе изучения этой проблемы в статьях, посвященных

¹ URL: <https://chto-eto-takoe.ru/lockdown>.

данной тематике, определены лишь направления кризисных процессов на рынке труда, сформулированы возможные варианты его развития [4].

Следует учитывать, что природа настоящего кризиса имеет некоторую особенность, обусловленную избирательностью в выборе отдельных сегментов рынка труда. Это означает, что такого рода социально-экономический кризис, вызванный данной причиной, снижает спрос на рабочую силу и увеличивает ее высвобождение лишь в отдельных сегментах рынка труда. Как правило, социальные страхи, недовольство, паника, иначе говоря, социальная напряженность в условиях подобного рода экономического кризиса наиболее характерна для следующих социальных групп — участников рынка труда: представителей малого и среднего бизнеса; наемного персонала, ожидающего сокращения; работающих неполную неделю и находящихся в административном отпуске, а также временно трудоустроенных; безработных, находящихся на учете в центрах занятости; не получающих вовремя зарплату; предпринимателей, потерявших бизнес, т.е. обанкротившихся, и т.д. [5].

Действительно, именно эти категории граждан наиболее вовлечены в кризисогенную сферу, обусловленную пандемией. Кроме того, социологи часто выделяют негативные социальные последствия ограничительного режима самоизоляции [6]. Поскольку локдаун вносит жесткие ограничения, касающиеся занятости, в отдельные сектора экономики, вполне закономерным является использование маркетингового подхода, примененного автором для исследования регионального рынка труда. Данный подход основан на сегментации занятых и безработных граждан по различным признакам [7]. Это означает, что процессы формирования спроса на рабочую силу и ее предложения осуществляются в рамках отдельных сегментов рынка труда. Поэтому приостановка процессов производства товаров и оказания услуг во многом предопределяет сложившуюся конъюнктуру на рынке труда. В этой связи важным представляется определение количественных и качественных характеристик потоков рабочей силы из «рисковых» секторов в экономику в целом.

В конечном счете стадии и этапы протекания социально-экономического кризиса, обусловленного локдауном, несколько иные по сравнению с классической моделью кризиса. Так, кризис 2008 г. характеризовался следующими этапами: инерционный период;

адаптационный период; депрессивный период; период приспособления. Классификация стадий кризиса предполагала учет изменений в бизнес-процессах и последствий сложившейся ситуации для сферы труда [8].

Сегодняшний же кризис характеризуется не только изменением последовательности прохождения его стадий, но и главным образом скоротечностью самого кризиса и глубиной его последствий. По сути, настоящий кризис начался с депрессии в социально-трудовой сфере. В дальнейшем работодатели стали приспосабливаться к условиям локдауна, переводя сотрудников на удаленную работу, используя режим неполной занятости.

Итак, если кризис 2008 г. имел особую экономическую природу и характеризовался как циклический [9], а кризис 2014 г. расценивался как период кризисного ожидания, то современная социально-экономическая ситуация характеризуется как кризис неопределенности исходя из высокой вероятности наступления следующих волн пандемии.

Влияние кризиса на рынок труда

Информация Территориального органа государственной статистики по Иркутской области свидетельствует о том, что если в 2018–2019 гг. уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, варьировался в пределах 7–8 %, а в 2019 г. снизился до 6,7 %, то начиная с марта — мая 2020 г. стабильно держится на уровне 8,0–8,2 %².

Весьма интересной является оценка недоиспользования рабочей силы в регионе. Представленные Иркутскстатом материалы свидетельствуют о том, что численность работников списочного состава на конец второго квартала 2020 г. сократилась на 0,6 %. Это связано с тем, что распространение коронавирусной инфекции вынудило работодателей резко сократить прием персонала. В итоге сальдо движения работников во втором квартале оказалось отрицательным (–4 243 чел.).

Сравнивая количество принятых работников в первом и втором кварталах 2020 г., можно отметить некоторые особенности социально-экономических последствий локдауна.

Во-первых, число принятых работников во втором квартале уменьшилось на 33,8 % по сравнению с первым кварталом. Это обусловлено тем, что работодатели в сложившихся условиях вынужденного ограничения и неопределенности дальнейшего развития

²Иркутскстат. Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/29100>.

хозяйственной деятельности вынуждены были приостанавливать наем персонала. Значительно сократился, составив лишь 18,1 % по сравнению с первым кварталом, прием на дополнительно введенные рабочие места. Следует отметить, что на предприятиях и в организациях Иркутской области процесс создания новых рабочих мест резко замедлился. Формирование спроса на рабочую силу было основано на замещении текущих вакансий. Это еще раз доказало нашу теорию формирования совокупного спроса на рабочую силу [10]. Подтверждается, что существующий прием работников осуществляется на вакантные рабочие места в рамках спроса замещения.

Во-вторых, во втором квартале увеличился объем выбытия работников (на 3,3 % по сравнению с первым кварталом). В условиях не всегда правильно организованной и неэффективной удаленной трудовой деятельности работодатель вынужден оптимизировать кадровый состав предприятия/организации.

Опыт показал, что в условиях существенных ограничений выбытие персонала носит в основном вынужденный характер. Это, в свою очередь, приводит к усилению тревоги и страхов у тех, кто имеет работу или занимается ее поиском [11]. Так, по соглашению сторон выбыло почти на 30 % работников больше, чем в первом квартале 2020 г. Практически неизменным осталось количество тех, кто уволился по собственному желанию. Снижение числа уволенных во втором квартале в связи с сокращением численности персонала обусловлено тем, что процессы высвобождения работодатели, как правило, откладывают, надеясь на улучшение социально-экономической и санитарно-эпидемиологической ситуации.

В-третьих, неутрачивающая эпидемия COVID-19 вынудила компании отправлять своих сотрудников на удаленную работу. К тому же предпосылки использования такого вида обеспечения занятости имеются. Как подчеркивают некоторые исследователи, удаленная занятость и в обычных экономических условиях имела высокий уровень результативности, решающий проблемы снижения издержек на персонал. К примеру, О.Н. Баева отмечает, что даже в условиях экономического кризиса оригинальные фармацевтические компании сохраняют необходимость проведения ассесмента при отборе на работу кандидатов даже на должность медицинского представителя [12]. Вынужденный характер удаленной работы обусловлен принципиальной готовностью компаний к

реализации цифровых технологий, которые раскрывают возможности реализации человеческого капитала [13].

По состоянию на конец октября 2020 г. дистанционной занятостью было охвачено 20 049 работников, что составляет около 5 % списочного состава предприятий и организаций области.

Между тем почти вдвое (на 193 %) увеличилась заявленная численность работников, намеченных к высвобождению. Это означает неуклонное возрастание в третьем квартале 2020 г. доли лиц, сокращенных на производстве. К тому же начавшаяся вторая волна эпидемии коронавируса не внушает оптимизма.

Наиболее выразительно негативные тенденции проявились на регистрируемом рынке труда. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, именно безработные и лица, обратившиеся за поиском работы, представляют собой наиболее уязвимые элементы предложения рабочей силы [14]. Во-вторых, предпринятые правительством меры по упрощенной постановке на учет безработных в результате пандемии способствовали нарастанию числа обращений граждан в центры занятости населения.

Так, по данным Министерства труда и занятости населения Иркутской области, в целом по региону в период пандемии начиная с апреля 2020 г. наблюдался рост числа лиц, обратившихся за помощью в поисках работы и признанных безработными (рис. 1).

Если в январе 2020 г. за помощью в поиске подходящей работы в Иркутской области обратилось более 6,2 тыс. чел., то на момент начала ограничительных мер — почти 15 тыс. чел. Наибольшее число граждан, ищущих работу, наблюдалось в мае 2020 г. — 17,6 тыс. чел. В дальнейшем практически каждый месяц около 15 тыс. чел. обращалось в службу занятости за помощью в поиске работы. Между тем ежемесячная регистрация лиц, занятых поиском работы, и безработных граждан в сравнении с предыдущим периодом имеет различную динамику прироста (снижения) (рис. 2).

Анализ ежемесячного изменения в Иркутской области числа лиц, обратившихся за помощью в поиске подходящей работы и признанных безработными, выявил закономерный тренд. Если в начале года отмечалось незначительное увеличение количества таких лиц, то в апреле и мае произошел резкий всплеск их числа.

Это связано с тем, что в условиях локдауна в первую очередь работу потеряли представители неформального сектора эко-

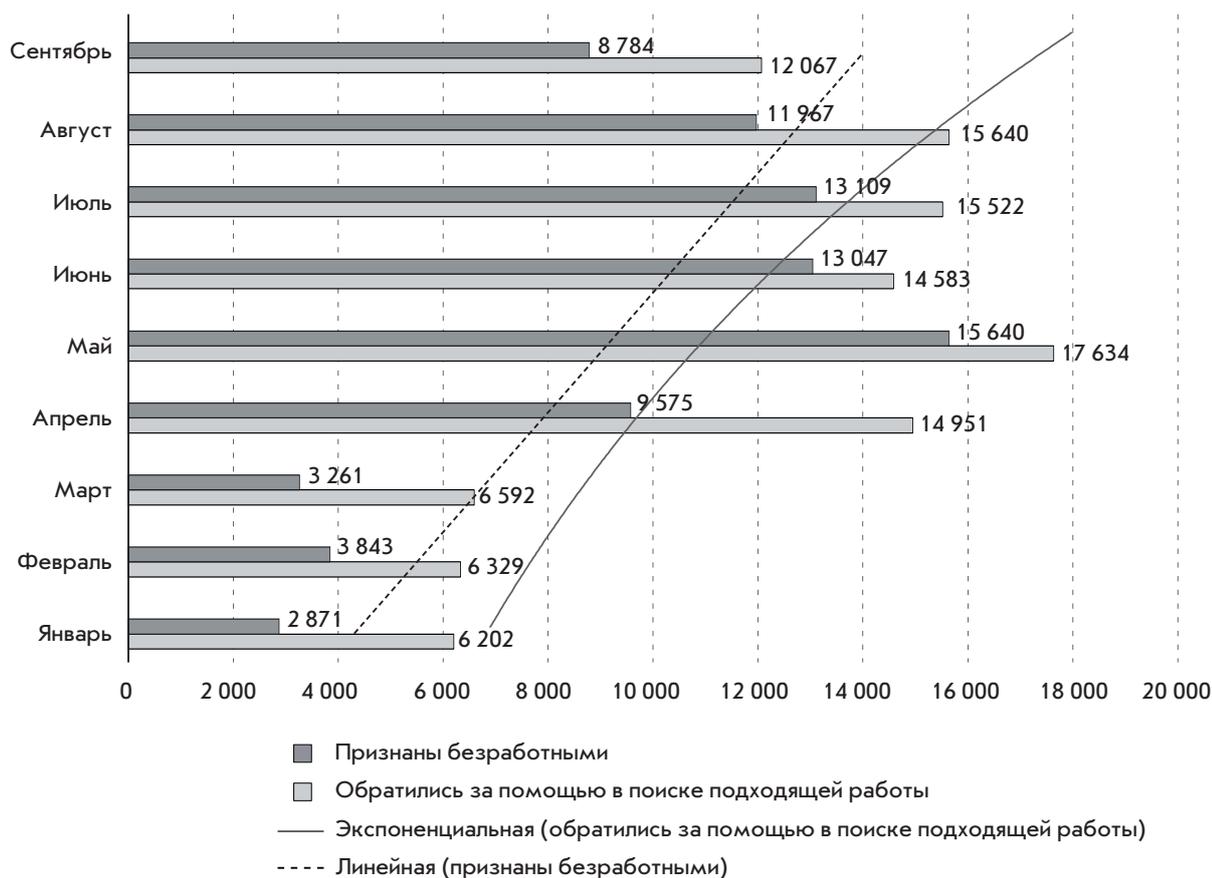

Рис. 1. Число лиц, обратившихся за помощью в поиске подходящей работы в центры занятости Иркутской области в 2020 г., чел.

Составлен по данным: Иркутскстат. Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/29100>

номики, а также те, кто был неофициально оформлен на рабочих местах. В основном были вынуждены обращаться в центры занятости в поисках новой работы занятые в торговле и сфере услуг.

Как подчеркивают некоторые авторы, именно те сектора экономики, которые в большей мере пострадали от ограничительных мер, имеют высокий уровень теневой занятости [15].

В период пандемии на рынке труда наиболее ярко проявился сезонный фактор. Летний период, а также использование различных адаптационных методов привлечения работников привели к тому, что к сентябрю наметилось снижение числа граждан, обратившихся в центры занятости за помощью в поиске работы и признанных безработными (см. рис. 2).

Сезонный фактор имеет место, однако начиная с апреля ежемесячно наблюдался устойчивый прирост количества безработных граждан. К примеру, около 7,5 тыс. чел. в апреле были признаны безработными. Пик прироста количества безработных граждан пришелся на май 2020 г., когда ограничи-

тельные меры коснулись большинства сфер экономики региона (рис. 3). Наряду с этим произошло и резкое сокращение числа работодателей, обратившихся за содействием в подборе необходимых работников.

Практически за шесть месяцев 2020 г. существенно увеличились потоки граждан, ищущих работу и признанных безработными (рис. 4), поэтому усилилась нагрузка на специалистов центров занятости. Это привело к относительному сокращению числа работодателей, обратившихся за помощью в подборе необходимого персонала. Стабильно постоянное количество таких работодателей нарушалось лишь в апреле — мае, в дальнейшем вернувшись к постоянной отметке.

Такого рода вызовы предопределили не только повышение интенсивности труда специалистов службы занятости, но и развитие их компетенций. Широкое внедрение цифровых технологий при оказании государственных услуг требует от специалистов формирования новых компетенций. Как отмечают некоторые авторы, новые реалии в развитии общества вызовут необходимость

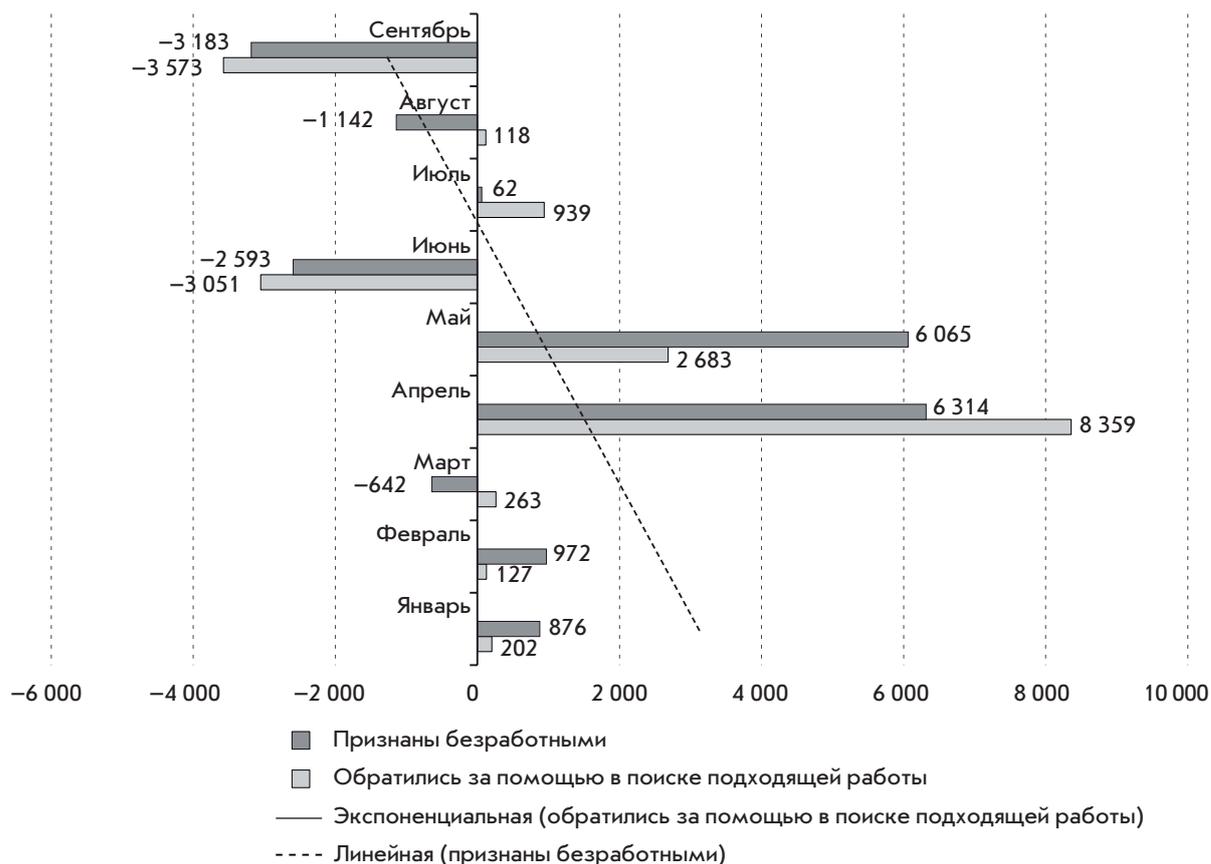

Рис. 2. Ежемесячный прирост (снижение) числа лиц, обратившихся за помощью в поиске работы и признанных безработными, в Иркутской области в 2020 г., чел.

Составлен по данным: Иркутскстат. Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/29100>

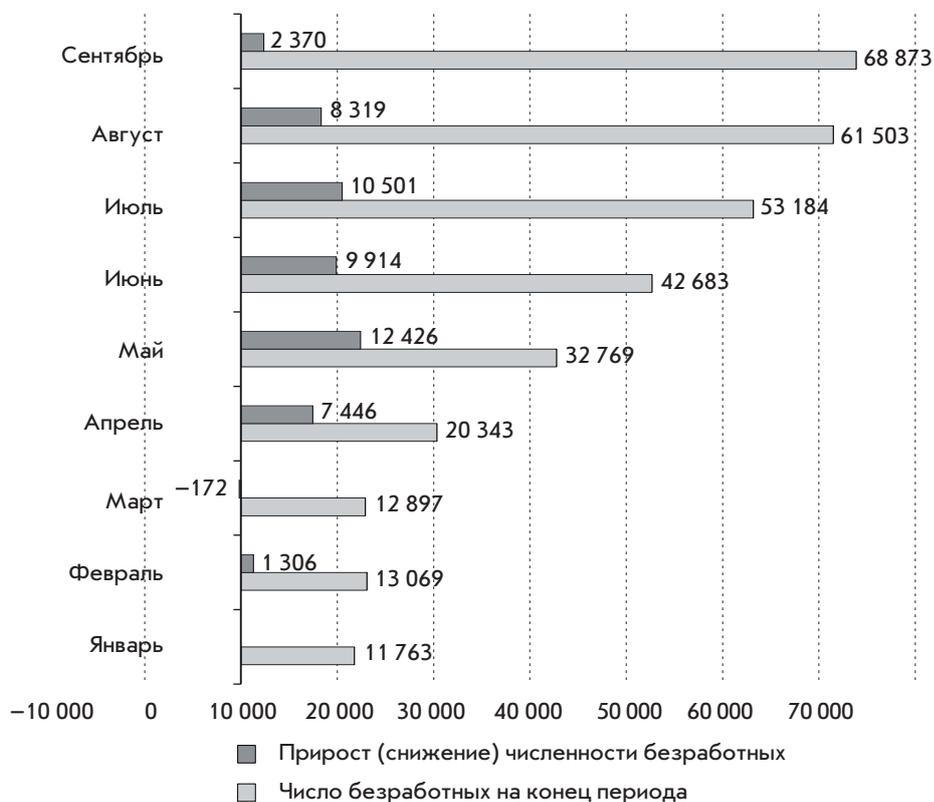

Рис. 3. Изменение числа безработных граждан в Иркутской области в 2020 г., чел.

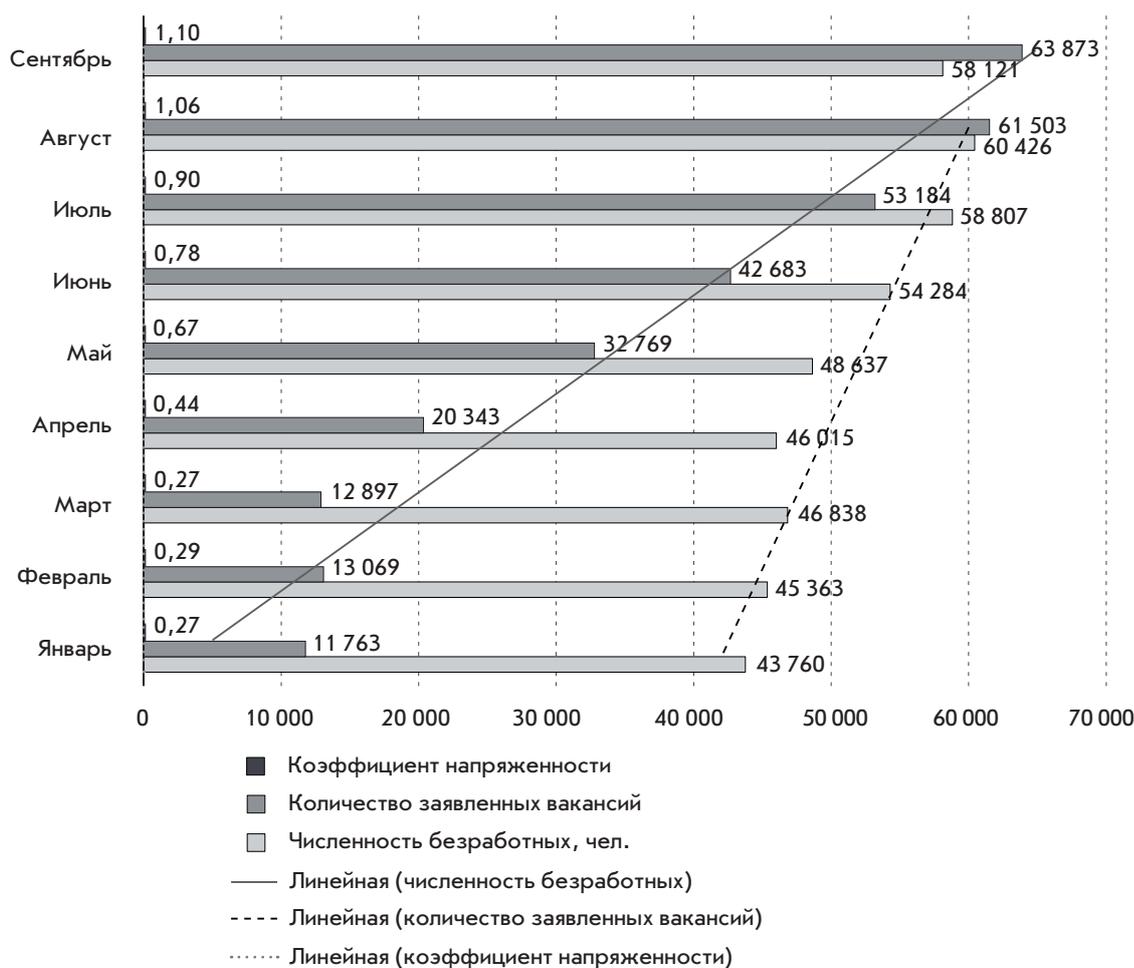

Рис. 4. Тенденции изменения спроса на рабочую силу (количество заявленных вакансий), ее предложения (количество безработных) и коэффициента напряженности на рынке труда Иркутской области в январе — сентябре 2020 г.

Составлен по данным: Иркутскстат. Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/29100>

формирования способности выстраивать новые способы социального взаимодействия, осваивать новый язык передачи информации, соблюдать этические принципы взаимодействия [16]. Практика дальнейшего развития и углубления компетенций работников службы занятости позволила смягчить наиболее негативные последствия локдауна. Умение сотрудников центров занятости налаживать коммуникацию с работодателями дало возможность увеличить число нанимателей, обратившихся с целью поиска сотрудников, что позволило уже к сентябрю достичь докризисного уровня.

Если в апреле только 889 работодателей представили заявки на необходимых работников, то к августу — сентябрю 2020 г. их число выросло в 1,5 раза. Появление дополнительных вакансий позволило увеличить численность граждан, снятых с учета в том числе в связи с трудоустройством.

Наименьшее число снятых с учета безработных наблюдалось в пик пандемии, когда были приняты беспрецедентные ограничительные меры. В дальнейшем положительная динамика увеличения числа снятых с учета в связи с трудоустройством продолжилась.

Поэтому в августе коэффициент напряженности на рынке труда Иркутской области возрос до 1, а в сентябре уже составил 1,1 (см. рис. 4). Усиление социальной напряженности на рынке труда Иркутской области обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, динамика увеличения числа вакансий на регистрируемом рынке труда была несколько ниже, чем увеличение численности безработных. Ежемесячно прирост числа безработных граждан был выше, чем пополнение заявленных вакансий.

Кроме того, несоответствие структуры спроса и предложения на рынке труда региона ярко отражает дальнейшее формирова-

ние структурной безработицы. Это означает, что сложившаяся структура вакансий имела направленность на рабочие профессии и специальности (более 85 %), а предлагают свой труд специалисты и служащие.

Во-вторых, рост численности регистрируемых безработных обусловлен расширением мер социальной поддержки граждан в сфере занятости населения, которые предпринимает правительство в связи с распространением коронавируса. Так, в апреле — июне 2020 г. максимальный размер пособия, которое назначалось гражданам (индивидуальным предпринимателям, прекратившим свою трудовую деятельность, уволенным после 1 марта), возрос до 14 556 р. в южных районах и 15 769 р. в северных на срок до трех месяцев, но не позднее 1 октября 2020 г. Кроме того, изменились условия выплаты пособий максимального размера. К примеру, выплата на шесть месяцев предусмотрена тем, кто имеет стаж более 26 недель в год, предшествующий обращению в центр занятости населения, и у кого средний заработок по последнему месту работы составлял 24,5 тыс. р. (в южных районах) и 26,5 тыс. р. (в северных районах).

К тому же в мае — июле 2020 г. был увеличен и размер минимального пособия с 1 800 р. (южные районы), 1 950 р. (северные районы) до 4 500 р. Все это привело к

росту числа зарегистрированных безработных с 11 763 чел. в январе до 63 873 чел. в сентябре 2020 г. Уровень регистрируемой безработицы в Иркутской области на 1 октября увеличился до 5,5 %. Это означает, что растет численность безработных, зарегистрированных в службе занятости, а также исчисленная по методологии Международной организации труда.

Выводы

Итак, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции мы столкнулись со специфическим видом социально-экономического кризиса, который воздействует непосредственно на ситуацию на региональном рынке труда. Показатели, характеризующие региональный рынок труда, имеют отрицательные тенденции, и их значения отражают усиление социальной напряженности.

В этих условиях необходимо осуществлять ежемесячный мониторинг изменения конъюнктуры регионального рынка труда. Появляется необходимость дальнейшего глубокого изучения стадий воздействия сложившегося социально-экономического кризиса особого рода на динамику параметров регионального рынка труда. Требуется отдельное исследование феномен и опыт использования удаленной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимова Е.В. Влияние коронавируса на экономику России / Е.В. Максимова, А.Г. Рябцев, О.А. Сазонова // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 4. — С. 283–286.
2. Ирхин Ю.В. Опыт использования современных технологий в оптимизации государственного управления в России в условиях пандемии / Ю.В. Ирхин // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне. — Уфа, 2020. — С. 22–24.
3. Сухов А.Н. Социально-экономический кризис: теоретический аспект / А.Н. Сухов // Человеческий капитал. — 2018. — № 2 (110). — С. 94–99.
4. Богданов А.И. Социально-экономический кризис на рынке труда как следствие мировой пандемии и роль современных университетов в его преодолении / А.И. Богданов // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне. — Уфа, 2020. — С. 54–57.
5. Сухов А.Н. Основы психосоциальной работы с населением : учеб. пособие / А.Н. Сухов. — Москва : Флинта, 2013. — 638 с.
6. Касьянов В.В. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения / В.В. Касьянов, Н.К. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9, № 2. — С. 51–63.
7. Былков В.Г. Маркетинговая стратегия регулирования регионального рынка труда / В.Г. Былков. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 121 с.
8. Былков В.Г. Социально-экономические индикаторы предкризисной ситуации на региональном рынке труда / В.Г. Былков, М.В. Самарина. — DOI 10.17150/2072-0904.2015.6(3).31 // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 3. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20144>.
9. Герций Ю.В. Российский рынок труда в статистике кризиса / Ю.В. Герций, М.П. Малышев // Социологические исследования. — 2011. — № 5. — С. 53–60.
10. Былков В.Г. Закономерные трансформации спроса на рынке труда / В.Г. Былков. — DOI 10.17150/1993-3541.2015.25(3).416-425 // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 3. — С. 416–425.

11. Баринов Д.Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса / Д.Н. Баринов // Бюллетень науки и практики. — 2018. — Т. 4, № 12. — С. 541–552.
12. Баева О.Н. Управление удаленными работниками: опыт фармацевтических компаний / О.Н. Баева, С.Г. Хомякова. — DOI 10.17150/2411-6262.2015.6(5).18 // Baikal Research Journal. — 2015. — Т. 6, № 5. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=20376>.
13. Тагаров Б.Ж. Особенности новых форм реализации человеческого капитала в цифровой экономике / Б.Ж. Тагаров. — DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(1).56-79 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 56–79.
14. Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования / В.Г. Былков. — DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(1).56-79 // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=21889>.
15. Федотов Д.Ю. Теневая занятость в российских регионах / Д.Ю. Федотов // Управление экономическими системами. Стратегическое развитие региона: проблемы и решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Чита, 24 апр. 2017 г. / отв. ред. В.Н. Гонин. — Чита, 2017. — С. 23–34.
16. Носырева И.Г. Технологии оценки профессиональных компетенций специалистов по оказанию государственных услуг в области занятости населения / И.Г. Носырева, Н.А. Белобородова // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2019. — Т. 8, № 2 (27). — С. 286–289.

Информация об авторе

Былков Владимир Георгиевич — доктор экономических наук, профессор, кафедра государственного управления и управления человеческими ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: BylkovVG@bgu.ru.

Для цитирования

Былков В.Г. Функционирование регионального рынка труда в условиях пандемии COVID-19 / В.Г. Былков. — DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(1).43-51 // Известия Байкальского государственного университета. — 2021. — Т. 31, № 1. — С. 43–51.

Author

Vladimir G. Bylkov — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Public Administration and Human Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: BylkovVG@bgu.ru.

For Citation

Bylkov V.G. Functioning of the Regional Labor Market in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2021, vol. 31, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(1).43-51. (In Russian).